

СУДЬБА БЛОКА

**О. Немеровская
Цезарь Вольпе
Судьба Блока. По документам,
воспоминаниям, письмам,
заметкам, дневникам,
статьям и другим материалам**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22818042

*Судьба Блока. По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам. /Сост. О. Немеровская и Ц. Вольпе./ Реконструкция книги 1930 г.: Человек; Москва; 2009
ISBN 978-5-903508-40-2*

Аннотация

Александр Блок, быть может, самый значительный поэт XX века, – неразрывно связан с эпохой русского символизма. Понять Блока вне литературных и бытовых отношений, вне условий возникновения, расцвета и разложения символизма – нельзя. И книга о Блоке должна быть книгой о символистах, и история судьбы Блока – историей всего литературного движения символизма. Поэтому и задача авторов – показать не только Блока человека – носителя обособленной личной судьбы, но Блока поэта, представителя большой эстетической культуры.

Содержание

От издательства	8
Предисловие к изданию 1930 года	10
Часть первая	16
Глава первая	16
Глава вторая	38
Глава третья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Судьба Блока.
По документам,
воспоминаниям,
письмам, заметкам,
дневникам, статьям
и другим материалам
Составители О.
Немеровская и Ц. Вольпе**

Составитель серии Давид Рудман

Оформление и иллюстрация, на фронтисписе Ф. Барбышев

На авнтитуле:

*Ю. Анненков. Иллюстрация к поэме «Двенадцать».
1918 г.*

От издательства

Вначале 1930 года в тогдашнем уже Ленинграде, в Государственной типографии им. Евг. Соколовой (проспект Красных Командиров, 29) было отпечатано для Издательства Писателей Ленинграда 4200 экз. книги «Судьба Блока», составленной О. Кемеровской и Ц. Вольпе по документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и другим материалам.

Эта посмертная книга о Блоке не была, конечно, первой. Уже в 1922 году появилась биографическая книга М. Бекетовой «А. Блок», в том же году В. Княжнин издал свою книгу «А. А. Блок», в 1924 году Н. Аттукин составил «Блок в воспоминаниях современников и его письмах». Многие из этих книг сделались почти недоступными раритетами.

С тех пор прошли десятилетия. За это время во множестве издавались сборники писем Блока к отдельным лицам, его записные книжки, литературные о нем воспоминания, множество исследований блоковского творчества, его поэтики, даже описания личной библиотеки Александра Александровича...

В 1980–1986 годах издательство «Наука» выпустило 92-й том «Литературного наследства в четырех книгах: «Александр Блок. Новые материалы и исследования», вобравший в себя огромный и разнообразный материал...

И все же выполненная в форме биографического монтажа, относительно небольшая, но чрезвычайно емкая и разноплановая книга «Судьба Блока», изданная восемь десятилетий назад и давно ставшая библиографической редкостью, ни в малой степени не утратила ни своего значения, ни интереса, ни обаяния. Она дает достаточно цельный образ одного из величайших русских поэтов, который никогда не будет забыт.

Нынешний читатель получает сегодня счастливую возможность стать обладателем замечательной старой книги, обретшей новую жизнь¹.

В. Кабанов
2008

¹ В книге сохранены оригинальная орфография и пунктуация. – *Ред.*

Предисловие к изданию 1930 года

Александр Блок, быть может, самый значительный поэт XX века, – неразрывно связан с эпохой русского символизма. Понять Блока вне литературных и бытовых отношений, вне условий возникновения, расцвета и разложения символизма – нельзя. И книга о Блоке должна быть книгой о символистах, и история судьбы Блока – историей всего литературного движения символизма. Поэтому и наша задача – показать не только Блока человека – носителя обособленной личной судьбы, но Блока поэта, представителя большой эстетической культуры.

Между тем, если литературная судьба Блока необъяснима вне того движения, на фоне которого протекло его творчество, то само это движение остается непонятным без освещения тех социальных условий, в которых оно развивалось. Отношения символизма и русского капитализма, меценатство купцов Рябушинского, Морозова и пр., возникновение различных издательств от «Скорпиона» до «Сирина» – все это существенные моменты в истории русской символистической культуры, представляющие для социолога огромный интерес.

Вследствие этого материал книги оказался чрезвычайно расширенным, и в нее вошло многое, что с первого взгляда непосредственного отношения к биографии Блока не имеет.

Установка на *эпоху* повела к построению книги как работы исторической, определив не только ее тему, но и ее структуру. Поэтому и отдельные главы построены не по чисто биографическому принципу, а прикреплены к определенному историческому стержню: «1905-й год», «Годы военного коммунизма», «Годы реакции», «Война и революция» и проч.

Так же точно смерть Блока дается не как завершение отдельной оборвавшейся человеческой судьбы, а как гибель целой культуры.

Блок умер восемь лет тому назад. Восемь лет – это срок, слишком маленький для того, чтобы могла возникнуть систематизированная исследовательская или даже биографическая литература о нем, но достаточно большой для того, чтобы назрела потребность в такой систематизации. Некоторые документы, опубликованные в период гражданской войны в мелких и незначительных изданиях, некоторые воспоминания, напечатанные в различных органах провинциальной прессы, часто не сохранившихся даже в больших книгохранилищах, остаются совершенно недоступными.

Между тем многое из этого материала представляет собой интерес и цену и должно быть предоставлено читателю.

Этими обстоятельствами был predetermined и самый выбор жанра книги, несмотря на всю спорность и как бы скомпрометированность его в настоящий момент.

Вопрос о монтаже стоит сейчас особенно остро в связи с кризисом, последовавшим за недавним расцветом монта-

жей. Это, конечно, не случайно. Сейчас, когда исторический документ все чаще призывается на замену писательской выдумке, монтаж оказывается хорошим суррогатом как для беллетристики, так и для науки. Он дает обычному среднему читателю ту подлинную правду об историческом герое, которую читатель ищет в литературе, он дает исследователю тот собранный материал, который может послужить ему путеводителем при собственной исследовательской работе.

От подбора материала, от большего или меньшего членения цитат зависит уклон монтажа в сторону научности или беллетристичности.

И очень показательно, что журналист из «Nouvelles Littéraires» сравнивает русскую форму биографического монтажа с чрезвычайно популярными во Франции биографическими романами, считая их разными воплощениями одного и того же жанра. И поскольку монтаж действительно есть не чисто художественная форма, а промежуточное звено между исследованием и беллетристикой, он все еще остается настолько спорным, что до сих пор, несмотря на явочным порядком приобретенные права гражданства, вызывает сомнения в законности своего существования.

И, тем не менее, нам пришлось остановиться именно на жанре монтажа. Можно оспаривать целесообразность монтажей о классиках, о которых существует большая и доступная читателям литература, – там, где дело касается писателя недавно умершего, монтаж целесообразен уже по одному то-

му, что материал разбросан в разновременных, порою очень редких изданиях – альманахах, журналах и газетах.

В поисках материала нам пришлось по годам просматривать отдельные газеты, как дореволюционные («Московские Ведомости», «Новое Время», «Товарищ», «Утро России», «Речь»), так и послереволюционные («Известия ВЦИК», «Правда» и др.). Мы старались подобрать документы, печатавшиеся в почти несохранившихся изданиях, например письмо Блока к Мейерхольду в журнале «Искусство и Труд» в 1921 г. Из зарубежной печати мы привлекали главным образом по перепечаткам в мелких советских изданиях то, что с нашей точки зрения представляется наиболее интересным и ценным для советского читателя. Наконец, в книге воспроизводятся и некоторые документы (частично или полностью), до сих пор еще не появлявшиеся в печати (отрывки из речи В. И. Княжнина, письмо Блока к П. Е. Щеголеву, архив Ленинградского Университета и друг.).

Помимо чисто технической задачи нахождения и собирания материала, перед нами стояла еще более сложная и ответственная задача критического обзора и сверки разноречивых показаний в письмах и документах. Читатель в своем интересе к «подлинности» нередко попадает во власть тех случайных и тенденциозных сообщений, какие ему преподносят различные мемуаристы, руководимые часто далеко не литературными соображениями.

Но для того, чтобы восстановить реальную картину сло-

жившихся отношений, нам пришлось приводить рядом разнопартийные и порой противоречивые документы. Это относится как к годам, предшествовавшим кризису символизма (1906—10), когда разгоралась литературная борьба, так и к эпохе послереволюционной, когда вражда и борьба литературные заменились еще более непримиримыми враждой и борьбой политическими (глава «Двенадцать и Скифы»).

Наконец, еще в одном отношении нами были раздвинуты рамки жанра монтажа (если можно говорить о каких-то нормах в этой области): мы включили в текст книги стихотворный материал. Основанием к этому послужило, прежде всего, собственное свидетельство Блока об автобиографичности его поэзии. Конечно, мы вполне учитываем, что к подобным личным заявлениям поэтов надо относиться с большою осторожностью. Поэтому из всего стихотворного наследия Блока нами было выбрано только то, что соответствовало следующим трем принципам: 1) стихи с посвящением, как бы несущие функцию письма или записи в дневнике, 2) стихи, проверенные документами и точно воспроизводящие действительность, и 3) стихи, являвшиеся в какой-то степени литературно-общественным фактом или знаменем данной среды («Менада» Вяч. Иванова).

Что касается до личного биографического материала, на первый взгляд не имеющего отношения к *литературной* судьбе Блока, то мы вводим его в книгу лишь в тех случаях, когда он был литературно осмыслен самим Блоком.

Такова, например, первая глава «Семья и детство», которая строится на данных, почти сплошь составивших материал поэмы «Возмездие» (потому-то мы и сочли возможным и даже необходимым ввести в эту главу стихи из «Возмездия»).

Момент для настоящей монографии о Блоке еще не настал, но подготовка такой монографии в виде свода собранного материала, дающего по возможности цельный образ поэта, нам кажется вполне своевременной.

В заключение выражаем благодарность лицам и учреждениям, оказавшим нам содействие в нашей работе указаниями и предоставлением различных материалов: М. А. Бекетовой, В. Н. Княжнину, В. А. и П. Е. Щеголевым, Е. И. Замятину, К. А. Эрбергу, библиотеке и Рукописному Отделению Пушкинского дома, Рукописному Отделению Академии Наук, Ленинградскому Ун-ту и Кабинету Иностранной Литературы Публичной Библиотеки. Особую благодарность приносим Ю. Г. Оксману и Б. М. Эйхенбауму за советы и указания.

Часть первая

Глава первая

Семья и детство

*Сыны отражены в отцах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.*

«Возмездие»

Род, предки...

Александр Александрович не интересовался этим. Он искренне верил в легенду... будто бы один из его предков был врачом царя Алексея Михайловича. Прапрадед – Иоган фон-Блок, родом из Мекленбург-Шверина, действительно, был медиком, но в русскую службу вступил лишь в 1755 г. полковым врачом.

И. Н. Княжнин². Алекс. Алекс. Блок

² В. Н. Княжнин (1883–1942) – поэт, критик, библиограф, автор одного из первых биографических очерков о Блоке «А. А. Блок» (П., 1922).

Отец мой, Александр Львович Блок, был профессором Варшавского университета по кафедре государственного права.

Александр Блок. Автобиографическая справка

Родился Александр Львович 20 октября 1852 г. во Пскове... Среднее образование он получил в новгородской гимназии, где был учеником известного педагога Я. Г. Гуревича. В 1870 г. он окончил курс с золотой медалью и поступил на юридический факультет петербургского университета. Спустя четыре года по представлении кандидатской диссертации «О городском управлении в России» он был оставлен профессором А. Д. Градовским при университете для подготовки к профессуре по кафедре государственного права.

Е. Спекторский. Александр Львович Блок – государствовед и философ

Специальная ученость далеко не исчерпывает его деятельности, равно как и его стремлений, может быть менее научных, чем художественных. Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна. За всю жизнь свою он напечатал лишь две небольшие книги (не считая литографированных лекций) и последние двадцать лет трудился над сочинением, посвященным классификации наук. Выдающийся музыкант, знаток изящной литературы и тонкий стилист, – отец мой считал себя учеником Флобера. Послед-

нее и было главной причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни: свои непрестанно развивавшиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное, как во всем душевном и физическом облике его. Я встречался с ним мало, но помню его кровно.

А. Блок

Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
– «Кто сей красавец?» – он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской:
– «Похож на Байрона». Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо свое внимание обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно – столь упрямый.
«Красив, умен» – твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...

«Возмездие»³

Отец поэта... Александр Львович сам в душе был поэтом не менее, чем ученым, а может быть, даже и более. Своих

³ По свидетельству М. А. Бекетовой отец А. А. в «Возмездии» несколько идеализирован. Относительно Достоевского известно только, что он встречался с А. Л. Блоком у О. Философовой и хотел изобразить его в романе.

любимых поэтов он знал наизусть. И когда – нередко среди глубокой ночи – он садился за рояль, то раздавались звуки, свидетельствовавшие, что музыка была для него не просто техникою, алгеброю тонов, а живым, почти мистическим общением с гармониею, если не действительною, то возможною, космоса. Гармония стиха или мелодии нередко совершенно отвлекала его от суровой прозаической действительности, а также связанных с нею практических дел и увлекала в мир грез. И это налагало на него отпечаток какой-то созерцательности и даже мечтательности, если и не стиравшей совершенно, то значительно стушевывавшей его этический ригоризм...

Ирония властно толкала его мысль на путь критики всякого рода иллюзий, и притом критики, дающей отрицательные, более или менее безотрадные плоды, рассеивающей воздушные замки и ничего не оставляющей, кроме действительности во всей ее печальной наготе. Но вместе с тем она сопровождалась какою-то грустью, какою-то тоской по иллюзии, каким-то желанием все-таки не расстаться окончательно с мечтою и верить в нее.

Е. Спекторский

Потомок поздний поколений,
В котором жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений,
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата

Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
И то же порыванье к бездне.

«Возмездие»

Он обладал твердою, непреклонною, можно сказать упрямою, волею. Раз начатое дело он доводил до конца, раз принятое решение он осуществлял во что бы то ни стало... Его этика была этикой сознания, этикой натур, желающих и умеющих подчинять чувства воле, а волю – идее... Такие люди мало популярны. Их избегают. И хотя для них добро – нечто весьма важное, их не считают добрыми. Но их нельзя не уважать.

Е. Спекторский

* * *

Семья моей матери причастна к литературе и к науке... Дед мой, Андрей Николаевич Бекетов, ботаник, был ректором петербургского университета в его лучшие годы (я и родился в ректорском доме). Петербургские Высшие Женские Курсы, называемые «Бестужевскими» (по имени К. Н. Бестужева-Рюмина), обязаны существованием своим, главным образом, моему деду.

Он принадлежал к тем идеалистам чистой воды, которых

наше время уже почти не знает.

А. Блок

Жена деда, моя бабушка, Елизавета Григорьевна, всю жизнь работала над компиляциями и переводами научных и художественных произведений; список ее трудов громаден; последние годы она делала до 200 печатных листов в год.

А. Блок

От дедов унаследовали любовь к литературе и незапятнанное понятие о ее высоком значении их дочери – моя мать и ее две сестры. Все три переводили с иностранных языков.

Моя мать, Александра Андреевна (по второму мужу Кублицкая-Пиотгух), переводила и переводит с французского стихами и прозой...

В молодости писала стихи, но печатала только детские.

А. Блок

Александр Львович познакомился с нами в год нашего переезда в ректорский дом. Он стал усиленно ухаживать за Асей, что очень ей нравилось, тем более что Александр Львович был не только красив и интересен, но его чувство к Асе отличалось и страстностью и проникновением в ее сущность.

В конце зимы Александр Львович сделал Асе предложение, но она ему отказала, после чего он даже перестал бывать

у нас в доме. Ася не каялась в своем поступке, но мать наша, совершенно покоренная оригинальным обликом и необычайной музыкальностью Александра Львовича, не могла утешиться после ее отказа и стала говорить Асе, что она оттолкнула необыкновенного человека, с которым могла бы быть счастлива, как ни с кем. Ася начала задумываться, вспоминать прошлое и подпала под влияние матери. Тут, как нарочно, А. Л. напомнил о себе, прислав Асе очень милый и лестный подарок в день ее рождения 6 марта 1877 года. Это была тетрадь с романсами Глинки и Даргомыжского в голубом переплете. Романсов было 17, по числу лет Аси, так как это был год ее семнадцатилетия. Кажется, приложена была и записка. Этот подарок, разумеется, произвел впечатление. Ася начинала думать, что поступила опрометчиво. Следующей зимой А. Л. неожиданно явился к нам в дом. Он пришел по делу к отцу, как к ректору. Ему нужны были какие-то справки и подписи на деловых бумагах. Узнав, что у нас А. Л., Ася подстерегла его внизу на лестнице, очень благосклонно встретила и повела наверх. Все это очень его удивило. Между ними произошло объяснение, результатом которого было вторичное предложение Александра Львовича, на этот раз принятое Асей, а потом и родителями.

М. А. Бекетова}. *Ал. Блок и его мать*

Жизнь сестры была тяжела. Любя ее страстно, муж в то же время жестоко ее мучил, но она никому не жаловалась.

Кое-где по городу ходили слухи о странном поведении профессора Блока, но в нашей семье ничего не знали, так как по письмам сестры можно было думать, что она счастлива. Первый ребенок родился мертвым. Мать горевала, мечтала о втором.

Между тем Александр Львович писал магистерскую диссертацию. Окончив ее осенью 1880 года, он собрался ехать для защиты ее в Петербург. Жену, уже беременную на восьмом месяце, взял с собой. Молодые Блоки приехали прямо к нам. Сестра поразила нас с первого взгляда: она была почти неузнаваема. Красота ее поблекла, самый характер изменился. Из беззаботной хохотушки она превратилась в тихую, робкую женщину болезненного, жалкого вида.

Диспут окончился блестяще, магистерская степень была получена; приходилось возвращаться в Варшаву. Но на время родов отец уговорил Александра Львовича оставить жену у нас. Она была очень истощена, и доктор находил опасным везти ее на последнем месяце беременности, тем более, что Александр Львович стоял на том, чтобы ехать без всяких удобств, в вагоне третьего класса, находя, что второй класс ему не по средствам.

В конце концов он сдался на увещания, оставил жену и уехал один.

К утру воскресенья, 16 ноября 1880 года, у нее родился сын – будущий поэт и свет ее жизни.

Александр Львович, во-первых, держал жену впроголодь, так как был очень скуп, во-вторых, совсем не заботился об ее здоровье и, в-третьих, – бил ее. Не стану описывать по-

⁴ М. А. Бекетова – тетка Блока, сестра его матери.

дробностей этих тяжелых сцен. Скажу только, что никаких серьезных поводов к неудовольствию Александра Андреевна не подавала. Она вела себя так, что муж перестал ее ревновать, была с ним ласкова и очень заботилась о хозяйстве. Но муж желал перевоспитать жену по-своему, и ей доставалось за всякое несогласие во мнениях, за недостаточное понимание музыки Шумана, за плохо переписанную страницу его диссертации и т. д. В минуты гнева Александр Львович был до того страшен, что у жены его буквально волосы на голове шевелились. Их прислуга полька, очевидно боясь ответственности, уходила из дому, как только Александр Львович начинал возвышать голос. Ася слышала, как щелкал ключ двери, запираемой снаружи, и затем оставалась одна с мужем, а жили они в захолустном квартале на окраине города, так что, если бы она вздумала кричать, это вряд ли к чему-либо повело бы. Не буду, однако, преувеличивать: Александр Львович только пугал, унижал и мучил жену, он не наносил ей увечий и не покушался на ее жизнь. Но довольно и этого...

Несмотря на всю свою жестокость, Александр Львович так искренно и горячо любил ее, так понимал лучшие стороны ее натуры, что жизнь ее с мужем имела и светлые стороны. От нее я знаю, что в хорошие минуты он нежно ласкал ее, и они проводили много прекрасных часов за чтением и разговорами о прочитанном.

М. А. Бекетова

Вокруг Александра Львовича – «дяди Саши», как у нас его называли, – выросло в нашей семье множество сказаний. Встретаться с ним нам, детям, было довольно страшно. Еще до первой из этих встреч я успел подслушать, что он живет где-то очень далеко, в Варшаве, живет совершенно один, в грязной, странно обставленной квартире. От него убежали две жены. Он их бил, а одной даже нож приставлял к горлу. Пробовал будто бы истязать и детей. И детей от него увезли.

В альбоме была его фотография. Он на ней очень красив, повернут в профиль – еще молодой. «Жестокий» взгляд, угрюмо опущенное лицо как нельзя более соответствовали страшным рассказам о Варшаве, одинокой квартире и ноже.

Когда он – впервые на моей памяти – появился у нас, то оказалось, что наружность у него совсем не такая величаво-инфернальная, как я себе представлял. Он был не очень высок, узок в плечах, сторблен, с жидкими волосами и жидкой бородкой, заикался, а главное – чего я никак не ожидал – он был робок, совсем как бабушка. Садился в темный уголок, не любил встречаться с посторонними, за столом все больше молчал, а если вставлял словечко, то сразу потом начинал смеяться застенчивым, неестественным, невеселым смехом.

Г. Блок⁵. Герой Возмездия

⁵ Г. П. Блок (1888–1962) – писатель, двоюродный брат А. А. Блока.

После развода с мужем, когда Саше было около девяти лет, сестра Александра Андреевна повенчалась вторично с поручиком лейб-гвардии гренадерского полка, Францем Феликсовичем Кублицким-Пиоттух. В том же году обвенчался с Марьей Тимофеевной Беляевой и Александр Львович.

М. А. Бекетова

Выходя замуж за Франца Феликсовича, Александра Андреевна думала найти в нем помощника, который заменил бы Саше отца, но этого не случилось. Франц Феликсович был вообще равнодушен к детям, Саша же был не в его духе, кроме того, он ревновал к нему мать. Словом, он не был привязан к мальчику и относился к нему, если не прямо враждебно, то по меньшей мере равнодушно. Его взгляды на воспитание были совершенно противоположны тем, которые Александра Андреевна вынесла из своей семьи. Он советовал ей держать сына поостороже, тяготился его обществом и, при первой попытке Саши расположиться со своими игрушками и занятиями в гостиной, отослал его в его комнату, чем жестоко обидел Александру Андреевну, привыкшую к совсем другому отношению.

М. А. Бекетова

Я был у него (у А. Л. Блока) в его варшавской квартире. Он сидел на клеенчатом диване за столом. Посоветовал мне не снимать пальто, потому что холодно. Он никогда не топил

печей. Не держал постоянной прислуги, а временами нанимал поденщицу, которую называл «служанкой». Столовался в плохих «цукернях». Дома только чай пил. Считал почему-то нужным экономить движения и объяснял мне:

– Вот здесь в шкапу стоит сахарница; когда после занятий я перед сном пью чай, я ставлю сюда чернильницу и тем же движением беру сахар, а утром опять одним движением ставлю сахар и беру чернильницу.

Он был неопрятен (я ни у кого не видал таких грязных и рваных манжет), но за умываньем, несмотря на «экономиию движений», проводил так много времени, что поставил даже в ванной комнате кресло:

– Я вымою руки, потом посижу и подумаю.

Г. Блок

Скончался он 1 декабря 1909 года от чахотки, осложненной болезнью сердца.

И жаль отца, безмерно жаль:
Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство —
Education sentimentale.

«Возмездие»

...

Он был заботой женщин нежной

От грубой жизни огражден.

«Возмездие»

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Города С.-Петербурга, церкви Св. Апостол Петра и Павла, что при С.-Петербургском Императорском Университете, в метрических книгах за 1880 год, в первой части о родившихся за № 9-м, мужеска пола, значится: Тысяча восемь-сот-восемь-десятого года, месяца ноября шестнадцатого дня, у Титулярного Советника, Доцента Варшавского Университета Александра Львова Блока и законной жены его Александры Андреевой, обоих православного исповедания и первым браком, родился сын, Александр, крещен того же года месяца Декабря 28-го дня. Восприемниками были: Действительный Статский Советник, Вице-Директор Департамента Таможни, Лев Александрович Блок и жена Тайного Советника Елизавета Григорьевна Бекетова. В чем и дано сие свидетельство за надлежащим подписом и с приложением церковной печати:

1881 года апреля 8-го дня.

Университетской церкви священник

Василий Рождественский.

Диакон Василий Смирнов.

Архив Спб. Университета. Дело № 495

С первых дней своего рождения Саша стал средоточием

жизни всей семьи. В доме установился культ ребенка. Его обожали все, начиная с прабабушки и кончая старой няней, которая нянчила его первое время. О матери нечего и говорить.

М. А. Бекетова

Отца он никогда не знал.
Они встречались лишь случайно,
Живя в различных городах,
Столь чуждые во всех путях
(Быть может, кроме самых тайных).
Отец ходил к нему как гость,
Согбенный, с красными кругами
Вкруг глаз. За вялыми словами
Нередко шевелилась злость...

«Возмездие»

Саша был живой, неутомимо резвый, интересный, но очень трудный ребенок: капризный, своевольный, с неистовыми желаниями и непреодолимыми антипатиями. Приучить его к чему-нибудь было трудно, отговорить или остановить почти невозможно. Мать прибегала к наказаниям: сиди на этом стуле, пока не утомитесь. Но он продолжал кричать до тех пор, пока мать не спустит его со стула, не добившись никакого толка.

До трехлетнего возраста у Саши менялись няньки, все были неподходящие, но с трех до семи за ним ходила одна и

та же няня Соня, после которой больше никого не нанимали. Кроткий, ясный и ровный характер няни Сони прекрасно действовал на Сашу. Она его не дергала, не приставала к нему с наставлениями. Неизменно внимательная и терпеливая, она не раздражала его суетливой болтливостью. Он не слышал от нее ни одной пошлости. Она с ним играла, читала ему вслух. Саша любил слушать Пушкинские сказки, стихи Жуковского, Полонского, детские рассказы. «Степку-растрепку» и «Говорящих животных» знал наизусть и повторял с забавными и милыми интонациями.

М. А. Бекетова

Так и стояли вокруг него теплой стеной прабабушка, бабушка, мама, няня, тетя Катя – не слишком ли много обожающих женщин? Вспоминая свое детство, он постоянно подчеркивал, что то было детство дворянское, – «золотое детство, елка, дворянское баловство», и называл себя в поэме «Возмездие» то «баловнем судеб», то «баловнем и любимцем семьи». Для своей семьи у него был единственный эпитет – дворянская.

К. Чуковский. А. А. Блок как человек и поэт

«Жизненных опытов» не было долго, сознательной жизни еще дольше. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками, елками, баловством – и благоуханную глушь маленькой дворянской усадь-

бы (с. Шахматово Московской губернии Клинского уезда).

Первые литературные шаги.

Автобиографии современных русских писателей. А. Блок

Лето Бекетовы проводили в своем маленьком подмосковном имении Шахматово, верст 7 от Боблова, имения Дмитрия Ивановича Менделеева, по совету которого они и купили свое. Трудно представить себе другой более мирный, поэтичный и уютный уголок. Старинный дом с балконом, выходящим в сад, совсем как на картинах Борисова-Мусатова, Сомова. Перед балконом старая развесистая липа, под которой большой стол с вечным самоваром: тут варились варенье, собирались поболтать, полакомиться пенками с варенья – словом, это было любимым местом. Вся усадьба стояла на возвышенности, и с балкона открывалась чисто русская даль. Из парка, через маленькую калитку, шла тропинка под гору к пруду и оврагу, заросшему старыми деревьями, кустарниками и хмелем, и дно оврага и пруд покрывались роскошными незабудками и зеленью; дальше шел большой лес, место постоянных прогулок маленького Саши с дедушкой.

А. И. Менделеева⁶. Алекс. Блок

Веял уют той естественно скромной и утонченной культуры, которая не допускала перегрузки тяготящими душу реликвиями стародворянского быта; и тем не менее обста-

⁶ А. И. Менделеева (1860–1942) – вторая жена Д. И. Менделеева, художница.

новка – дворянская; соединение быта с безбытностью; говорили чистейшие деревянные стены (как кажется, без обоев, с орнаментом перепиленных суков).

Андрей Белый. Воспоминания об Ал. Блоке

Мои собственные воспоминания о деде – очень хорошие; мы часами бродили с ним по лугам, болотам и дебрям; иногда делали десятки верст, заблудившись в лесу; выкапывали с корнями травы и злаки для ботанической коллекции; при этом он называл растения и, определяя их, учил меня начаткам ботаники, так что я помню и теперь много ботанических названий. Помню, как мы радовались, когда нашли особенный цветок ранней грушовки, вида, неизвестного московской флоре, и мельчайший низкорослый папоротник; этот папоротник я до сих пор каждый год ищу на той самой горе, но так и не нахожу; очевидно, он засеялся случайно и потом выродился.

А. Блок

Он рос правильно, был силен и крепок, но развивался очень медленно: поздно начал ходить, поздно заговорил.

М. А. Бекетова

С семи лет, еще при няне Соне, Саша начал увлекаться писанием. Он сочинял коротенькие рассказы, стихи, ребусы и т. д. Из этого материала он составлял то альбомы, то жур-

налы, ограничиваясь одним номером, а иногда только его началом. Сохранилось несколько маленьких книжек такого рода. Есть «Мамулин альбом», помеченный рукой матери 23 декабря 1888 года (написано в 8 лет). В нем только одно четверостишие, явно навеянное и Пушкиным и Кольцовым, и ребус, придуманный на тот же текст. На последней странице тщательно выведено: «Я очень люблю мамулю».

М. А. Бекетова

Сочинять я стал чуть ли не с 5 лет.

А. Блок

Мать задумала отдать его в гимназию. Ей казалось, что будет это ему занятно и здорово. Но она ошибалась... На лето приглашен был учитель, студент-юрист Вячеслав Михайлович Грибовский, впоследствии профессор по кафедре гражданского права. Студент оказался веселый и милый, не томил Сашу науками и в свободное время пускал с ним кораблики в ручье, возле пруда.

М. А. Бекетова

По словам Марии Грибовской⁷, мальчик жадно принялся за новый предмет, восхищая порой своего учителя меткими сравнениями, блестящей памятью... Рим, с его героической

⁷ Воспоминания об Александре Блоке. «Рижский Вестник» 1921, № 208. Вечерн. изд. Среда, 7 сент., стр. 1, столб. 1–2.

историей, с его походами, с его дивными архитектурными памятниками, не давал мальчику покоя. Стали замечать, что Сашура куда-то исчезает. Приехали как-то раз соседи: проф. Фаминицын и Менделеев со своей маленькой дочкой, сделавшейся впоследствии женой поэта. Все разбрелись по саду искать мальчика, а он в выпачканном матросском костюме, весь потный, в овраге усердно проводит римские дороги и акведуки.

– Мне еще нужно в стороне от терм Каракаллы закончить Via Appia, сейчас приду, – пояснил будущий поэт.

В. Н. Княжнин

Вся жизнь Александры Андреевны имела одно содержание – сын. Это было одно всепроникающее чувство – от материальной заботы – был бы сыт, был бы здоров, чтобы зубы не болели, чтобы под дождем не простудился – до высокой заботы – чтоб довершил свой подвиг. Она преклонялась перед ним и гордилась, как только может гордиться мать своим гениальным, прекрасным сыном, и, улыбаясь, говорила: «Он только одного беспокойства мне не доставлял – на аэроплане не летал. А так – я вечно боялась: или утонет, как Сапунов, или пойдет по рельсам, заглядится на что-нибудь, хоть на девушку какую-нибудь (помните, «высокая с тугой косой»), а поезд налетит на него и раздавит, или еще что-нибудь...»

*Над. Павлович*⁸. *Мать А. Блока*

⁸ Н. А. Павлович (1895–1980) – поэтесса, училась на Высших женских курсах

Много лет мать была его единственным советником. Она указывала ему на недостатки первых творческих шагов. Он прислушивался к ее советам, доверяя ее вкусу.

М. А. Бекетова

Она привила сыну чистоту вкуса, воспитанного на классических образцах, тяготение к высокому и к подлинному лиризму. С уверенностью можно сказать только одно: мать открыла ему глаза на Тютчева, Аполлона Григорьева и Флора.

М. А. Бекетова

Первым вдохновителем моим был Жуковский. С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чьим-либо именем. Запомнилось, разве, имя Полонского и первое впечатление от его строф:

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен. Мечты кипят.
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Детство мое прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали слово: в семье господствовали, в общем, ста-

ринные понятия о литературных ценностях и идеалах. Говоря вульгарно, по-Верлэновски, преобладание имела здесь eloquence; одной только матери моей свойственны были постоянный мятеж и беспокойство о новом, и мои стремления к musique находили поддержку у нее. Впрочем, никто в семье меня никогда не преследовал, все только любили и баловали. Милой же старинной Eloquence обязан я до гроба тем, что литература началась для меня не с Верлэна и не с декадентства вообще.

А. Блок

Глава вторая

Гимназия

Я чувствую давно,

Что скоро жизнь меня коснется...

А. Блок

В августе 1889 года отправились поступать в гимназию. Впоследствии она была переименована в гимназию Петра I, а в то время она носила название Введенской.

М. А. Бекетова

Видали ли Вы белое 3-этажное здание с двумя флигелечками, что на углу Большого пр. и Шамшевой улицы? – Это и есть Введенская гимназия. Особенной репутацией пользовалась среди других учебных заведений Петербурга эта гимназия. И, действительно, среди этой буйной молодежи находили себе приют отчаяннейшие сорви-головы, когда-либо носившие гимназическую фуражку. Около 500 человек всякого возраста от 8 до 24 лет, и всякого звания и состояния, сходились здесь ежедневно, и гам стоял здесь, как в кипящем котле.

Из неопубликованных воспоминаний гимназического товарища Блока

Мама привела меня в гимназию; первый раз в жизни из уютной и тихой семьи я попал в толпу гладко остриженных и громко кричащих мальчиков; мне было невыносимо страшно чего-то, я охотно убежал бы или спрятался куда-нибудь; но в дверях класса, хотя и открытых, мне чувствовалась непереходимая черта.

Меня посадили на первую парту, прямо перед кафедрой, которая была придвинута к ней вплотную и на которую с минуты на минуту должен был войти учитель латинского языка. Я чувствовал себя как петух, которому причертили клюв мелом к полу, и он так остался в согнутом и неподвижном положении, не смея поднять голову. Парта полагалась к тому же на двух человек, а я сидел на ней третий, на первый раз, потому что в классе не хватило для меня места.

А. Блок. Исповедь язычника

Состав учившихся – дети мелкого чиновничества и зажиточного мещанства, с крайне невысоким интеллектуальным уровнем. Гимназия отбывалась как неприятная и ненужная повинность. Заветной, конечно, мечтой огромного большинства было получить, ничего не делая, удовлетворительную отметку.

В. Н. Княжнин

Дворянско-интеллигентская атмосфера детства Блока теперь разбавляется струей мещанско-бюрократической. И не

только дома, но и в гимназии, куда Блок поступил в 1890 году.

А. Цинговатов.⁹ А. А. Блок

Педагогический персонал, в общем, также был ниже среднего. Это были – или старые и усталые, равнодушные люди, дослуживавшие до полной пенсии, либо формалисты-бюрократы в худшем смысле этого слова.

В. Н. Княжнин

Учение началось

Времена были дялиновские; толстовская классическая система преподавания вырождалась и умирала, но, вырождаясь, как это всегда бывает, особенно свирепствовала: учили почти исключительно грамматикам, ничем их не одухотворяя, учили свирепо и неуклонно, из года в год, тратя на это бесконечные часы. К тому же, гимназия была очень захламленная, мальчики вышли, по большей части, из семей неинтеллигентных, и во многих свежих сердцах можно было, при желании и умении, написать и начертать, что угодно. Однако никому из учителей и в голову не приходило пробовать научить мальчиков чему-нибудь, кроме того, что было написано в учебниках «крупным» шрифтом («мелкий» обыкновенно позволяли пропускать).

Дети быстро развращались. Среди нас было несколько

⁹ А. Я. Цинговатов – литературовед.

больных, тупых и слабоумных. Учились курить, говорили и рисовали много сальностей. К середине гимназического учения кое-кто уже обзавелся романом; некоторые свели дружбу с классными наставниками и их помощниками, и стало чувствоваться, что, кроме обязательных гимназических, существуют еще какие-то приватные и частные отношения между воспитателями и некоторыми учениками. На крупные шалости и даже гнусные патологические проявления одних – начальство смотрело сквозь пальцы; других же, стоявших в стороне от какого-то заговора, который казался таинственным, но имел очень дурной и непривлекающий запах, напротив, преследовали иногда несправедливо. Как всегда бывает, страдали больше невинные и безответные.

А. Блок

Среди всей этой кутерьмы гимназического бедлама скромно цвел Блок. Именно цвел, я не могу придумать термина удачнее. Молодое буйство товарищеской ватаги как будто бы не задевало его. Не приходилось мне сталкиваться с ним близко. Я был классом или двумя старше его, а класс – это было нечто цельное, замкнутое и самодовлеющее, со своими «классовыми» интересами, и общение ограничивалось своими одноклассниками. Но помню его классически-правильное, бледное, спокойное лицо с ясными, задумчивыми глазами.

Из неопубликованных воспоминаний гимназического то-

В последних двух классах завелись уже настоящие друзья: то были его товарищи по классу, Фосс и Гун. Фосс – еврей, сын богатого инженера, имевшего касание к Сормовским заводам. Это был щеголь и франт, но не без поэтических наклонностей и хорошо играл на скрипке. Гун принадлежал к одной из отраслей семьи известного художника Гуна. Это был мечтательный и страстный юноша немецкого типа. Друзья часто сходились втроем у Саши или в красивом доме Фоссов на Лицейской улице. Вели разговоры «про любовь», Саша читал свои стихи, восхищавшие обоих, Фосс играл на скрипке серенаду Брага, бывшую в то время в моде. В весенние ночи разгуливали они вместе по Невскому, по островам. С Гуном Саша сошелся гораздо ближе, Фосса скоро потерял из вида. Гун приезжал в Шахматово. А после окончания гимназии они вдвоем ездили в Москву, где отпраздновали свою свободу выпивкой и концертом Вяльцевой. На последнем курсе университета Гун застрелился внезапно по романическим причинам. По этому поводу написано Сашей стихотворение. Случай произвел на него впечатление.

М. А. Бекетова

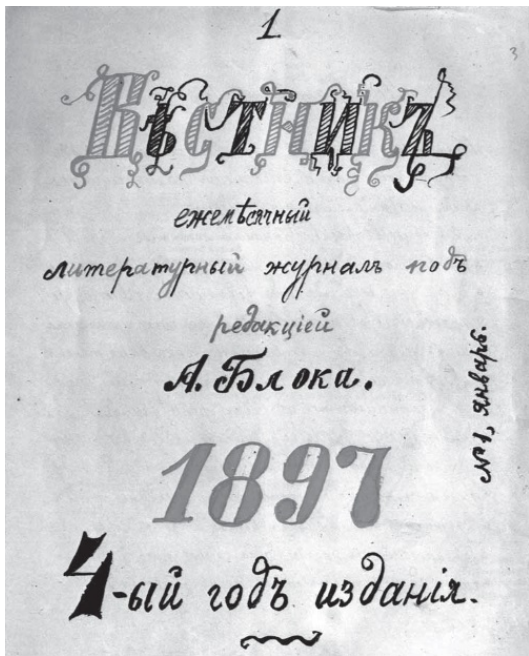
Внешне Александр Александрович в эту пору, по словам одного из его товарищей по гимназии, был всегда чисто, даже изящно одетым мальчиком, очень воспитанным и акку-

ратным, что, по моему мнению, сказывается и на его тогдашнем почерке.

В. Н. Княжнин

В пору своей гимназической жизни Саша не стал общительнее. Он не любил разговоров. Придет, бывало, из гимназии, – мать подходит с расспросами. В ответ – или прямо молчание или односложные скупые ответы. Какая-то замкнутость, особого рода целомудрие не позволяли ему открывать свою душу.

М. А. Бекетова

Титульный лист рукописного журнала «Вестник». № 1, 1897 г.

Гимназия страшно плебейская и совсем не вяжется с моими мыслями, манерами и чувствами. Впрочем, что ж? Я наблюдаю там типы купцов, хлыщей, забулдыг и проч. А таких типов много, я думаю больше и разнообразнее, чем в каком-нибудь другом месте (в другой гимн.).

Письмо к матери 20/VIII 1897 г.

В гимназии настолько много идиотизма, что у меня заболела голова, впрочем, прошла, когда я оттуда выбрался.

Письмо к матери 19/VIII 1897 г.

Гимназия надоедает страшно, особенно с тех пор, как я начал понимать, что она ни к чему не ведет.

Письмо к матери 20/VIII 1897 г.

Весной 1898 года он кончил курс гимназии.

М. А. Бекетова

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

от

С.-Петербургской Введенской Гимназии.

Дан сей Александру Блоку, православного вероисповедания, сыну статского советника, родившемуся 16 ноября 1880 года в С.-Петербурге, обучавшемуся в С.-Петербургской Введенской гимназии 7 лет и пробывшему один год в VIII классе, в том:

Во-первых, что на основании наблюдений за все время обучения его в С.-Петербургской Введенской Гимназии поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ весьма удовлетворительная, прилежание хорошее и любознательность весьма значительная ко всем предметам гимназического курса.

И во-вторых, что он обнаружил нижеследующие познания:

ОТМЕТКИ:

выставляемые в педагогическом совете, на основании § 74 Правил об испытании учеников гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения		выставляемые на испытаниях, происходивших в 28, 29, 30, 1, 8, 15, 20, 26, 28, 29 дни апреля и мая месяцев 1898 года
В Законе Божьем	4 (четыре)	4 (четыре)
« Русском языке с Церковно-славянским и Словесности	4 (четыре)	4 (четыре)
« Логике	4 (четыре)	
« Латинском языке	3 (три)	4 (четыре)
« Греческом	3 (три)	4 (четыре)
« Математике	4 (четыре)	3 (три)
« Математической географии	5 (пять)	
« Физике	3 (три)	
« Истории	4 (четыре)	3 (три)
« Географии	3 (три)	
« Французском языке	4 (четыре)	4 (четыре)
« Немецком языке	3 (три)	3 (три)

Примечание. Отметка 5 означает познания и успехи отличные, 4 – хорошие, 3 – удовлетворительные.

В раннем детстве мне приходилось слышать, что существует где-то в Петербурге двоюродный брат Саша, умный мальчик, издающий в гимназии журнал. Имя Саша не нравилось, не нравилось и про журнал. Мне не хотелось с ним знакомиться.

Г. Блок

Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал «Вестник», в одном экземпляре; там я был редактором и деятельным сотрудником три года.

А. Блок

Мне лет восемь, и я еду вдвоем с отцом от станции Подсолнечная. Колокольчик весело звенит, кругом – крутые овраги, горы с зелеными квадратиками молодой ржи. Проехали темный еловый лес, и как-то неожиданно на пригорке появилось небольшое Шахматове: несколько домов, деревни рядом не видно. Наконец осуществилась мечта моего детства: я увижу моего троюродного брата Сашу Блока, о котором мне так много рассказывали и который представлялся мне каким-то прекрасным мифом.

Мы входим в дом. Появляются две незнакомые мне тети – тетя Аля и тетя Маня Бекетовы – ласково увлекают меня за собой и спрашивают у прислуги, где Саша. Кухарка отвечает: «Ушли за грибами, не скоро придут». Я первый раз в чужом месте, и мне как-то не по себе... Но Сашура возвращается скорее, чем его ждали. Высокий, светлый гимназист, какой-то вялый и флегматичный, говорит в нос. Но мне сразу становится интересно. Он издавал журнал «Вестник», при участии своих двоюродных братьев Кублицких. Тогда уж меня поразила и пленила в нем любовь к технике литературного дела и особенная аккуратность. Тетради журнала имели

образцовый вид, на страницах были приклеены иллюстрации, вырезанные из «Нивы» и других журналов. Он подарил мне несколько таких картинок. Когда я дал ему в «Вестник» рассказ, он прислал мне коробку шоколадных сардин, написав, что это – в подарок, а не в виде гонорара, который будет выслан после.

*С. Соловьев. Воспоминания об А. Блоке*¹⁰

* * *

Около 15 лет родились первые определенные мечтания о любви, и рядом приступы отчаяния и иронии, которые нашли себе исход через много лет в первом моем драматическом опыте («Балаганчик», лирические сцены).

А. Блок

Весной 1897 года я кончил гимназические экзамены и поехал за границу с тетей и мамой – сопровождать маму для лечения.

Из Берлина в Bad Nauheim поезд всегда раскачивается при полете (узкая колея и частые повороты). Маму тошнило в окно, и я придерживал ее за рукава кофточки.

После скучного житья в Bad Nauheim'е, слонянья и леченья здорового мальчика, каким я был, мы познакомились с

¹⁰ С. М. Соловьев (1885–1941) – поэт-символист, племянник Вл. Соловьева, троюродный брат Блока.

М-м С.

Дневник А. Блока. 17 (30)/VIII 1918 г.

1897 год памятен нашей семье и знаменателен для Саши. Ему было шестнадцать с половиною лет, когда он с матерью и со мною отправился в Бад Наугейм. Сестре был прописан курс лечения ваннами от обострившейся болезни сердца. Путешествие по Германии интересовало Сашу; Наугейм ему понравился. Он был весел, смешил нас с сестрой шалостями и остротами, но скоро его равновесие было нарушено многозначительной встречей с красивой и обаятельной женщиной. Все стихи, означенные буквами К. М. С.¹⁰, посвящаются этой первой любви. Это была высокая, статная, темно-волосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение. Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охва-¹¹чен любовью. В ту пору он был поразительно хорош собой уже не детской, а юношеской красотой.

М. А. Бекетова

К. М. С.

¹⁰ С. М. Соловьев (1885–1941) – поэт-символист, племянник Вл. Соловьева, троюродный брат Блока.

¹¹ Ксения Михайловна Садовская – артистка.

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...
И вдруг – туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...
О чем-то шепчущие струи,
Кружащаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. Они виделись ежедневно. Встав рано, Саша бежал покупать ей розы, брать для нее билеты на ванну. Они гуляли, катались на лодке. Все это длилось не больше месяца. Она уехала в Петербург, где они встретились снова после большого перерыва.

М. А. Бекетова

* * *

В августе 1898 г. я встречал Блока в перелеске, на грани-

цах нашего Дедова. Показался тарантас. В нем – молодой человек, изящно одетый, с венчиком золотистых кудрей, с розой в петлице и тросточкой. Рядом – барышня. Он только что кончил гимназию и веселился. Театр, флирт и стихи... Уже его поэтическое призвание вполне обнаружилось. Во всем подражал Фету, идей еще не было, но пел. Писал стереотипные стихи о соловьях и розах, воспевал Офелию, но уже что-то мощное и чарующее подымалось в его напевах.

С. Соловьев

Который-то из девяностых годов (право, они так мало отличались один от другого!). Осень, дождливый день, репетиция какой-то пьесы (все равно – какой) в Суворинском театре на Фонтанке. В воздухе что-то несообразное, не нюхавший и представить себе не может: Викторьен Сарду вместе с Евтихием Карповым... Пустыня. Я, студент-первокурсник, с трепетом жду в коридоре В. П. Далматова, который запишет меня на свой бенефис, а на бенефисе – прорычит роль Макбета, так что ни одного слова нельзя будет разобрать, и никто из бывших в театре не поверит, что В. П. Далматов – очень большой артист и способен в другой вечер – не бенефисный, а обыкновенный, «ударить по сердцам с неведомой силой...» Теперь, впрочем, на сцене нет Макбета, нет никакого героя: сквозь открытую дверь ложи я смотрю, как по сцене ходят взад и вперед, обняв друг друга за талии, К.

В. Бравич¹² и В. П. Далматов, оба такие партикулярные, простые и милые.

А. Блок. Памяти К. В. Бравича

С этих пор он стал постоянно стремиться в театр, увлекался Далматовым и Дальским, в то же время замечая все их слабости и умея их в совершенстве представлять. А вскоре и сам стал мечтать об актерской карьере.

М. А. Бекетова

Александр Александрович стал руководить Бобловскими спектаклями – у нас всегда время от времени бывали они, но отношение к ним и постановки носили детский характер... С появлением Александра Александровича началась, можно сказать, новая эра. Он поставил все на должную высоту. Репертуар был установлен самый классический, самое большое место было отдано Шекспиру, Пушкину, Грибоедову; исполнялся также Чехов. Александр Александрович своим горячим отношением к поэзии и драме увлек своих юных друзей, а потом своих родных.

А. И. Менделеева

Но самые спектакли приносили иногда большие огорчения. Публику, кроме родственников и соседей, составляли

¹² Бравич – сценический псевдоним драматического актера К. В. Барановича (1861–1912).

крестьяне ближайших деревень. Репертуар совершенно не подходил под уровень их развития. Происходило следующее: в патетических местах Гамлета, Чацкого, Ромео начинался хохот, который усиливался по мере развития спектакля... Чем патетичнее была сцена, тем громче был смех... Артисты огорчались, но не унывали. Их художественная совесть могла быть спокойна, – игра их была талантлива. Александр Александрович как исполнитель был сильнее всех с технической стороны. Исполнение же пятнадцатилетней Любови Дмитриевны роли Офелии, например, было необыкновенно трогательно. Она не знала тогда сценических приемов и эффектов и на сцене жила.

А. И. Менделеева

Играли в Боблове и на третье лето, 1900 года, но Блок уже охладевал к этим затеям, почитая себя несколько выросшим.

М. А. Рыбникова¹³. Блок-Гамлет

Мало кто помнит теперь (да и я этого времени сам «не застал»), что известности Блока в передовых артистических кругах, как поэта, предшествовала его известность, как декламатора.

Не раз мне рассказывали и разные люди, что вот в гостиной появляется молодой красивый студент (в сюртуке непре-

¹³ М. А. Рыбникова (1885–1942) – педагог-филолог, труды по поэтике и стилистике. «А. Блок-Гамлет» – 1923 г.

менно, «тужурок» он не носил). «Саша Блок, – передавали друг другу имя пришедшего в отдаленных углах. – Он будет говорить стихи».

И если Блока об этом просили, он декламировал с охотой. Коронными его вещами были «Сумасшедший» Апухтина и менее известное одноименное стихотворение Полонского.

Было это в самом начале девятисотых годов. А когда Александр Александрович Блок познакомился с будущей своей женой Л. Д. Менделеевой (впоследствии Блок-Басаргиной), в 1898 году, в имении отца последней они играли «Горе от ума», пьесу, требующую вследствие совершенства своих стихов искусной, как ритмически, так и эмоционально, читки.

Вл. Пяст¹². Два слова о чтении А. Блоком стихов

Я поступил в «Петербургский драматический кружок», и мне дали большую драматическую роль первого любовника в скверной пьесе, которую я буду играть в феврале в зале Павловой; считки, репетиции, а главное – мысль об исполнении такой ответственной роли берут у меня, конечно, время; однако, я аккуратно хожу на лекции и немного занимаюсь дома.

Стихи подвигаются довольно туго, потому что драматическое искусство – область более реальная, особенно, когда

¹² Бравич – сценический псевдоним драматического актера К. В. Барановича (1861–1912).

входишь в состав труппы, которая хотя и имеет цели нравственные, но, неизбежно, отзывает закулисностью, впрочем, в очень малой степени и далеко не вся: профессиональных актеров почти нет, во главе стоят присяжные поверенные. Во всяком случае время я провожу очень приятно и надеюсь получить некоторую сценическую опытность, играя на большой сцене.

*Письмо к отцу 22/1 1900 г.*¹⁴

На одном из спектаклей в зале Павловой, где я под фамилией «Борский» (почему бы?) играл выходную роль банкира в «Горнозаводчике» (во фраке Л. Ф. Кублицкого), присутствовала Любовь Дмитриевна.

Дневник А. Блока

В 1901 году, когда Любовь Дмитриевна поступила на драматические курсы г-жи Читау, Саша тоже посещал их некоторое время, но, охладев к сцене, скоро оставил это занятие. Несколько уроков г-жи Читау и краткий курс декламации, пройденный в последнем классе гимназии под руководством учителя Глазунова, вот и вся подготовка Александра Александровича к сценическому и декламационному искусству. Выработанная им манера читать стихи была плодом самостоятельного творчества и его личного темперамента.

¹⁴ Пяст – литературный псевдоним В. А. Пестовского – поэта-символиста (1886–1940).

Чаще всего в это время приходилось видеть его декламирующим. Помню в его исполнении «Сумасшедшего» Апухтина и Гамлетовский монолог «Быть или не быть». Это было не чтение, а именно декламация – традиционно-актерская, с жестами и взрывами голоса. «Сумасшедшего» он произносил сидя, Гамлета – стоя, непременно в дверях. Заключительные слова «Офелия, о нимфа» – говорил, поднося руку к полузакрытым глазам.

Он был очень хорош собой в эти годы. Дедовское лицо, согретое и смягченное молодостью, очень ранней, было в высокой степени изящно под пепельными курчавыми волосами. Безупречно стройный, в нарядном, ловко сшитом студенческом сюртуке, он был красив и во всех своих движениях. Мне вспоминается – он стоит, прислонясь к роялю, с папиросой в руке, а мой двоюродный брат показывает мне на него и говорит:

– Посмотри, как Саша картинно курит.

Г. Блок

Блок состоял членом одного из драматических кружков Петербурга. У Блока были все данные, чтобы играть любовников. Но руководитель кружка – немолодой профессиональный актер – сам любил роли молодых героев, и Блоку пришлось выступать в незначительных ролях стариков.

Когда Блоку открыли глаза на эту типичную закулисную интригу, он вышел из кружка, а потом и совсем отказался от мысли стать актером.

Н. Волков. А. Блок и театр

Глава третья

Университет

*Мне странен холод здешних стен
И непонятна жизни бедность.*

А. Блок

1898 года сентября 3-го дня я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что во время своего пребывания в числе студентов или слушателей Императорского С.-Петербургского Университета обязуюсь не только не принадлежать ни к какому тайному сообществу, но даже без разрешения на то, в каждом отдельном случае, ближайшего начальства, не вступать в дозволенные законом общества, а также не участвовать ни в каком денежном сборе; в случае же нарушения мною сего обещания, подвергаюсь немедленному удалению из заведения и лишаяюсь всякого права на внесенные мною, в пользу недозволенного сбора, деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.